

После утешения кролика Хэ Жугэ потратил сердечко и вошел в двадцатый отсек. Тигренок сидел на подстилке и внимательно смотрел на него. По взгляду его голубых глаз казалось, что он испытывает целую бурю эмоций.

Хэ Жугэ подумал, что, должно быть, начал понемногу сходить с ума, раз ему померещились какие-то эмоции на тигриной мордочке. Он покачал головой и щелкнул по тигренку, чтобы узнать статус.

□Дружелюбен□: Для Номера 20 вы особенный человек. Уровень симпатии: 37.

□Еще не ощущал такого внимания□□Кроме вас к Номеру 20 никто не проявлял внимания, когда он был маленьким чудовищем.

Может, симпатия увеличивалась автоматически? Насколько помнил Хэ Жугэ, недавно ее уровень был 35.

Удивительно, но даже если у Хэ Жугэ было ужасное настроение, при одном взгляде на тигренка он сразу начинал чувствовать себя лучше. Если малыш дулся, Хэ Жугэ все равно ощущал больший оптимизм и жажду к жизни.

Он щелкнул по □Кормить□. К сожалению, последнюю конфетку съел кролик, так что тигренку он мог предложить только молоко.

Рука с бутылочкой протянулась к мордочке тигренка. Хэ Жугэ нетерпеливо уставился на экран, желая скорее увидеть, как малыш будет пить молоко.

Ты послушно поднимешь голову и возьмешь соску в рот, да? Будешь торопиться, глотать, твой розовый носик станет мило подергиваться, а ушки-бутончики – двигаться в такт глоткам...

В прошлые разы кормление происходило через отверстие в двери, и Хэ Жугэ не мог ничего видеть. Но, как писатель, не обделенный воображением, от одних только звуков он успел нафантазировать себе пушистое белое пузико, а следом и котенка, пригревшегося за пазухой.

Пока Хэ Жугэ облизывался на свои фантазии, тигренок вдруг вцепился в соску, попятился и вырвал бутылочку из его рук.

Номер 20:

□Номер 20 самостоятельный и легко смущается. Он не привык, чтобы его кормили другие, и никогда не ел перед кем-то□

Тигренок отвернулся и принялся пить.

Хэ Жугэ резочарованно смотрел ему в спину, когда вдруг его озарило...

Пушистая попка тоже очень милая! И подрагивающий кончик хвостика тоже!

Конечно, сейчас попу тигренка не потрогать, но даст ли игра сделать это, когда симпатия достигнет максимума?

Мечтать не вредно, но может эта сбудется?

□Ежедневное задание□

Покормить подопытных□Ужин□Выполнено□□

Допив молоко, тигренок снова вцепился в соску зубами и притащил бутылку обратно Хэ Жугэ. Мордочка малыша была вся в молоке.

Ах, вот как этот вспыльчивый малыш пьет молоко. Если б он был мальчиком, то точно быстро выпивал бы чашку с молоком, а потом красовался бы с молочными усами.

А в силу своей привычки не обращать внимания на пустяки, тигренок бы точно даже не подозревал о молочных усах и глупо спрашивал бы, над чем все смеются.

Не в силах остановить полет своей фантазии, Хэ Жугэ чувствовал, что скоро так помрет. После смелого "Хочу забрать себе этого тигренка" ему захотелось "Забрать себе пусть и обманом этого суперсвирепого красавчика".

Хэ Жугэ улыбнулся и привычно щелкнул по □Говорить□.

Тем для бесед с тигренком было много. Например, Хэ Жугэ хотелось спросить, что ему нравится кушать, чтобы прикупить это потом в Магазинычке. Или болит ли у него сегодня голова, или не грустно ли ему.

Но... это была лишь игра, а тигренок - не более чем ее персонаж. У Хэ Жугэ не было здесь своего голоса.

Номер 20:

□От испуганного колонка воняет тухлыми яйцами□

□Как тебе запах? Он... хороший. Я так редко его чувствую, что он мне кажется особенным□

Удивительно, но на этот раз тигренок решил немного поболтать. Хэ Жугэ показалось, будто он говорит с другом. Он сразу же щелкнул опять на [Говорить], надеясь услышать что-нибудь еще.

Номер 20:

[.....]

[Номер 20 вдруг замолчал. Ему сложно много говорить]

На экране тигренок положил голову на лапки и тихо опустил взгляд в пол.

Хэ Жугэ подумалось, что сейчас тигренок похож на маленькую улитку: у него твердая раковина, но очень мягкое сердце. Он не доверяет миру и ему придется долго и упорно работать, прежде чем сделать шаг навстречу тому, кого он полюбит.

Когда усики улитки с опаской высовываются из-под раковины, ни в коем случае нельзя пугать малыша. От любого резкого движения он снова спрячется в своей раковине.

Хэ Жугэ правда... все больше и больше привязывался к тигренку.

Он щелкнул по [Гладить], и на экране рука медленно приблизилась к малышу. Тигренок просто поднял взгляд и спокойно следил за человеком.

Когда ладонь нежно погладила пушистую голову тигренка, тот оставался спокоен. И от этого Хэ Жугэ чувствовал восторг.

Номер 20:

[Номер 20 начинает привыкать к вашим прикосновениям]

[Вы чувствуете теплую и мягкую шерсть]

[Номер 20 медленно закрыл глаза]

Казалось, что тигренок заснул.

Номер 20:

[Номеру 20 немного грустно. Но он и немного счастлив]

□Он устал□

Десять минут общения еще не закончились, и Хэ Жугэ не купил еще ничего вкусного для тигренка в Магазинчике любви, но он спокойно поднялся и вышел из отсека.

Это могло показаться странным, но... его маленький тигренок устал и ему надо было хорошо выспаться. После сна все будет хорошо.

Хэ Жугэ не знал сюжета игры. Не знал он и что предстоит пережить тигренку в следующий раз.

В первый раз в жизни Хэ Жугэ хотелось вложить в игру деньги. Если здесь это было бы возможно, то он заложил бы целое состояние и избаловал бы тигренка как только мог.

С Си Гуйцаня сняли шлем. Он обнаружил, что игра правда лечила его болезнь: часть духовного сознания, давно им утерянная, снова ощущалась как его собственная.

Это хорошо.

Он упал на подстилку, все еще мучимый болью в духовном сознании. Он привык терпеть боль. Наверное, из-за того, что он испытал столько боли в детстве, когда он стал взрослым ему стало трудно чего-то бояться. Сколь бы ни было тяжело ранение, он не кричал бы от боли и уж тем более не плакал.

Говорили, что плачущих детей успокаивают молоком. Ну а если плачущий ребенок не получает утешения, то в конце концов он сам перестает плакать.

Много позже Си Гуйцань случайно обнаружил, что убийство может облегчить его боль: когда голова его готова была лопнуть от боли, он всегда делал страшные вещи.

Убийство зергов - это убийство, убийство людей с других планет - тоже все еще убийство. Си Гуйцань не видел разницы между зергами и людьми. Убить можно было и тех, и других. Во время межзвездной войны он убивал и стал известен благодаря этому, но Федерация назвала его своим клинком. Даже если он не чувствовал себя частью Федерации и его поведение с трудом можно было приравнять к защите родины.

Мао Цзыси однажды посоветовал ему любить жить.

И Си Гуйцань пытался. Честно. Но он не хотел жить.

Он так устал жить, влачить свое безнадежное существование. Но и просто покончить со всем этим он не мог – все детство он провел в клетке, когда его собственная жизнь даже не принадлежала ему самому. Было бы грустно умереть после того, как он такой ценой получил свободу.

Тело Си Гуйцаня, истерзанное болезнью, жить будто и не хотело. У него не было ни друзей, ни семьи, ни любимого человека. Он занимал высокое положение, но знал, что довериться никому не сможет. Живя на собственной планете, он все еще чувствовал себя запертым в отсеке номер двадцать.

— Маленький кролик, дверку открой~ — донеслось из соседнего отсека, и уши тигренка повернулись на звук.

Грустные мысли его прервало пение. Какое-то время тигренок просто сидел и удивленно вслушивался.

Маленький кролик? Это... это песня для малышей?

Си Гуйцань, никогда не слышавший детских песен, изумленно хлопал глазами. Он немного помедлил, но затем, с таким же любопытством, как когда он впервые в детстве попал в двадцатый отсек и услышал плач кролика по соседству, тихонько прижал ушки к стене.

Там, за стеной, тихо пел человек.

— Маленький кролик, дверку открой~

Слова повторялись и повторялись и казалось, будто там, за стеной, сидят кружком малыши и кушают фрукты. Си Гуйцаню никогда никто так не пел.

— Скорее открой и впусти меня~

Си Гуйцань вдруг представил, что крохотный Хэ Жугэ стоял сейчас перед дверью в его сердце, стучал и вежливо просил войти.

Этот человек нес в себе другой мир, такой странный и красочный, в котором с неба могут дождем падать фруктовые конфеты. Хэ Жугэ сидел бы не облаках и пел. Его тихое, мягкое пение разливалось бы всюду, столь живое и звенящее от счастья. Он бы с улыбкой бросал мармелад с облаков...

Си Гуйцаню показалось, будто в воздухе и впрямь запахло мармеладом, и он осторожно вдохнул глубже. Кролик за стеной издал довольный звук.

Хвост тигренка, который до этого бессознательно довольно вилял, замер и мрачно улегся обратно на подстилку. Тигренок почему-то злился. Словно то, что должно было принадлежать только ему, украли.

Это же его собственный возлюбленный. Та конфета должна была стать его. И... Хэ Жугэ никогда ему не пел.

Пока Си Гуйцань предавался серьезным размышлениям, дверь в отсек распахнулась и на пороге показался человек. Черные глаза его искрились от нетерпения, а губы широко улыбались.

Хэ Жугэ, придуманный игрой, был особенным. Это лишний раз доказывало, что создатель игры был очень коварен. Дизайнер воссоздал окружающую обстановку именно такой мрачной, какой она и была. И только Хэ Жугэ здесь был живым. Только у него сияли глаза и щеки алели румянцем. Только он казался теплым.

И только он хорошо относился к Си Гуйцаню.

Поэтому было естественно, что у тигренка сложилось о нем хорошее впечатление. И если бы Си Гуйцаня спросили, нравится ли ему "его собственный возлюбленный", он бы... ответил, что чуть-чуть нравится.

Ему нравилось, как Хэ Жугэ смотрел на него. Ему сразу начинало казаться, будто его действительно любят.

Но может ли кто-то вроде него получить любовь?

Си Гуйцань раздумывал над этим, пока пил молоко.

"Если да... Ну, если ты вдруг и правда полюбишь меня, будешь ли ты любить меня больше, чем кролика по соседству?"

"Нет, не так. Может, твоя любовь ко мне уже установлена игрой? И, если так, то сколько ты мне ее дашь?"

Ему очень хотелось это спросить. Но, когда он хотел заговорить, вся его храбрость вмиг исчезла.

Тигренок, словно спущенный шарик, улегся на подстилку. Ушки его вяло опустились и, уставившись в пол, он сказал себе: "Ты - чудовище. Как ты можешь заслужить хоть немного любви?".

На Си Гуйцаня вдруг навалилась усталость, как если бы он снова был в реанимации, лежал на больничной койке и слушал нескончаемые непонятные медицинские термины. От болезни его тогда клонило в сон, и во сне он вел мех, сражался, бежал... но когда открыл глаза, он все еще лежал на койке и не мог пошевелиться.

Си Гуйцань прикрыл глаза. Рука человека нежно гладила его лоб.

Ему подумалось, что было бы очень приятно, если бы его так гладили подольше. Это было похоже на прекрасный сон, который можно разрушить неосторожным движением.

Но после сна всегда следует пробуждение.

И проснувшись, Си Гуйцань как всегда останется один.

Небольшая сценка:

Си Гуйцань: Хочу услышать твое пение, мне нравятся слова песни.

Хэ Жугэ: Два тигра, два тигра~ Должны бегать быстро, должны бегать быстро~ У одного нет уха, у другого - хвоста~ Как странно, как странно~

Си Гуйцань:Ты правда назвал меня странным QAQ

<http://bllate.org/book/13798/1218004>